

ОХОТА НА ОХОТНИКА

Пролог

— ...А к нам как попал?

Второй стюатор отхлебнул зеленого чаю, поставил чашку и откинулся на кресле, привинченном к полу. В принципе в таком креплении кресла не было никакой необходимости, гравитационные генераторы лайнера имели почти семидесятипроцентный запас мощности по маневровой нагрузке. Но привинченные к полу кресла дежурной смены являлись святой традицией, которая соблюдалась на кораблях и судах не менее ревностно, чем ритуал крещения в церкви.

— Да у меня свояк в агентстве. Он давно мне хорошее местечко обещал, потому я на каботаже и торчал. Чтобы если подвернется что стоящее — быть тут как тут.

Дежурный оператор двигательного отсека согласно кивнул. Дежурство, как обычно, обещало быть жутко скучным, а поскольку на лайнере во время дежурства строго запрещалось принимать пищу, играть в 3D и настольные игры (под каковым наименованием скрывались как вроде бы безобидные шахматы, шашки и го, так и карты, кости и все остальное), не говоря уж о более «предосудительном» времяпрепровождении, оставалось только трепать языком. На каком-нибудь другом корабле (кроме военного, естественно) капитан вряд ли бы включил в должностную инструкцию подобный пункт. Просто потому, что экипаж, скорее всего, его бы просто проигнорировал (первое правило любого нормального руководителя — требуй только то, чего сумеешь добиться), но круизные лайнеры — особое дело. Попасть на «круизник» — мечта любого моряка. Матросы круизных лайнеров — элита гражданского флота. Даже рядовые члены экипажа «круизников» размещаются в двух-трехместных каютах, для экипажа предусмотрен спортзал, бассейн (конечно не такой, как на пассажирских палубах, но все же), а любой член экипажа получает в два-три раза больше, чем на других гражданских кораблях. Обслуживающий персонал вышколен, а продукты всегда свежие и высшего качества. К тому же «круизники» еще и самые безопасные корабли — их техническое состояние поддерживается в идеальном порядке, а мощность двигателей и компенсаторных систем делает их недосыгаемыми ни для одного капера или

пирата. Еще бы, как правило, пассажирами «круизников» являются такие люди, что иск даже одного из них сможет полностью разорить круизные компании. А если их будет несколько?

— Это да, тут тебе повезло. Попасть на «Куин Дистину» — такой шанс выпадает раз в жизни.

— Вот я об этом и толкую, — оживился стюатор, — а моя вой подняла: «Это ты специально устроил — чтоб от семьи сбежать! По бабам шляться! Там на твоём лайнере только шлюхи разъезжают, которые на любого мужика бросаются, а ты и рад!»

Оператор усмехнулся.

— Да какие тут шлюхи, помещения экипажа полностью изолированы. Даже от обслуживающего персонала.

— Да говорил я ей, — грустно вздохнул стюатор, — без толку все. Слушать не хочет. «Ты все равно найдешь как до баб добратся!». Вообще-то она у меня нормальная баба — хозяйство держит и симпатичная. Все при ней. Только ревнивая больно.

— Это да, — глубокомысленно наморщив лоб, кивнул оператор, — они все такие. Сами на любого мужика заглядываются, а нам ни-ни! Вот черт!!! — Ноги оператора слетели с пульта, а спина резко приняла вертикальное положение. — Это что еще за чертовщина?

— Что? — озадаченно вскинулся стюатор.

— Смотри, второе включение основных двигателей коррекции за последние пятнадцать минут. Что-то тут не так!

Стюатор озадаченно уставился на экраны, заполненные цветными диаграммами и кривыми линиями. Его обязанности заключались в обслуживании трюмных уборочных и ремонтных роботов, поэтому в схемах и диаграммах, высвечивающихся на экране, он мало что понимал.

— А почему?

— Основные двигатели коррекции включаются только при резком изменении курса, причем если требуемое отклонение от курса достигает величины более пятнадцати градусов. А согласно полетной маршрутной карте следующее изменение у нас где-то через восемь часов. Я этим маршрутом уже шестой раз иду, можешь мне поверить...

Стюатор нервно поежился.

— Может, камни?

Оператор раздраженно фыркнул.

— Это тебе не каботажник. Наши радары видят любой опасный камешек часа за два полетного времени, а при такой форе чтобы обогнуть любой метеоритный поток, достаточно отклонения в доли градуса... смотри, опять! — Оператор качнулся к пультам, и его пальцы забегали по клавишам. — Надо подключить еще пару сборок контуров охлаждения, а то...

Закончить он не успел. Корабль едва заметно тряхнуло. Стюатор, напряженно вглядывающийся в экраны, заметил, как скачком изменилось несколько диаграмм, а самая большая, занимавшая центральный экран, запульсировала тревожно-багровым, понимающе кивнул:

— И опять!

Оператор ответил не сразу.

— Это не опять...

Что-то в его голосе заставило стюатора резко развернуться и уставиться на сотоварища. Оператор сидел за пультом скукожившись и испуганно глядя в потолок зала, за которым, почти в километре над их головами, над всеми пассажирскими палубами размещалась капитанская рубка. Те, кто в ней находились, явно знали о ситуации больше, чем они двое, но, похоже, им это не сильно помогло...

— Это не опять, — сдавленным голосом повторил оператор, — это не коррекция курса. По нам кто-то стреляет...

Они оба не знали, что эти выстрелы были салютом, ознаменовавшим явление цивилизованному миру Великого и Ужасного Агламбы Керрора...

Некоторое время спустя десятки бойких мастеров пера и 3D-камеры бросились по следам «самого ужасного и беспощадного» пирата современности, пытаясь выяснить, откуда он явился. Однако накопать что-то из ряда вон выходящее не удалось. Где он появился на свет, на какой планете, планетоиде или искусственном объекте — так и осталось неизвестно. Хотя, судя по тому, как он чувствовал себя в невесомости, считалось, что он если и не родился, то вырос где-то на орбитальных шахтах.

Первые его следы обнаруживаются в системе Лунии. Впрочем, через систему Лунии прошла практически вся шваль из числа тех, кто потом оказывался на больших торговых путях. Луния являлась самой большой клоакой обитаемой части рукава. И местом, где сталкивались и завязывались в узел интересы сотен и тысяч самых богатых и влиятельных людей Вселенной. Именно поэтому с ней до сих пор ничего не могли поделать. Официально Луния считалась зоной, свободной для поселения, и управлялась Советом шахт. Священной коровой, дающей Совету всю полноту власти, была Великая хартия вольных шахтеров, документ, являющийся этакой Конституцией, пополам с декларацией о государственном суверенитете системы. Документ явно анархистского толка, принятый почти семьдесят лет назад на Большой сходке. Ходят слухи, что его отцом являлся сам «князь Кропоткин» — личность легендарная, известный террорист и борец за свободу всех от всех, принявший в качестве псевдонима титул и имя исторической личности, действительно существовавшего в XIX веке русского анархиста

(впрочем, может, и не было никакого русского анархиста, а все это были выдумки бессовестных журналистов). Согласно легенде, когда «князю» уже совсем сели на хвост, ему удалось бежать в систему Лунии, которая в то время не имела никакого юридического статуса и была просто местом, где каждый пытался сколько-нибудь заработать, рубя породу в богатейшем поясе астероидов системы. То есть там не было ни власти, ни порядка, ни юрисдикции. Естественно, преследующие его спецслужбы (а князь успел насолить не одному десятку государств) несколько расслабились, вполне резонно посчитав, что дело сделано и уж теперь-то ничего не помешает найти и арестовать человека, изрядно насолившего не одному десятку правительств. Тем более что в поясе подвизались с десятком агентств, специализирующихся на розыске и передаче в руки правосудия различных личностей, наивно полагавших, что пояс — лучшее место для того, чтобы спрятаться. Так что можно было бы даже не марать руки, а просто назначить цену, и голову князя должны были доставить на блюдечке с голубой каемочкой. Но не тут-то было. Буквально в течение полугода из ниоткуда появился Совет шахт, который оперативно собрал Большую сходку, тут же принявшую Великую хартию вольных шахтеров, ставящую представителей ЛЮБЫХ организаций, «чья деятельность направлена на лишение человека его неотъемлемой свободы», вне закона «на всей территории, находящейся под юрисдикцией системы Лунии». Конторы «охотников за головами» были мгновенно вышвырнуты из системы «отрядами шахтерской милиции», а что касается деятельности государственных спецслужб, Хартия объявила, что «люди Лунии считают государство первым из угнетателей» и ставят своей высшей целью «соблюдение и ревностную охрану святого права личности на свободу и независимость». И потому люди Лунии будут «яростно бороться с попытками любых организаций навязывать свою волю и свое внимание свободным людям». Это привело к тому, что в системе Лунии до сих пор, спустя семьдесят лет, не было никакой полиции или иных государственных структур, а закон, как в древние времена на матери-Земле, вершился по праву сильного. Просто все действующие там бандитские кланы формально считались «случайно собравшимся сообществом граждан», то есть все бандитские разборки Совет шахт формально считал «стихийными драками»: мол, собрались не слишком близко знакомые люди в каком-нибудь баре пивка попить, а тут зашли туда еще несколько не слишком близко знакомых людей. И как-то они друг другу не понравились... Оттуда и трупы. Естественно, при таком подходе система Лунии стала настоящим рассадником бандитов и пиратов.

Лет через пять Агламба Керрор уже стал капитаном. Его первый корабль был, как обычно, переоборудован из каботажного транспортни-

ка. Сначала Керрор промышлял тем же, чем и другие пираты — мелкими грабежами каботажников, налетами на шахты в поясах астероидов планетных систем, грабежами небольших поселений... Однако таким путем не сильно быстро разбогатеешь (если разбогатеешь вообще). Уж больно велика конкуренция, а добыча едва-едва окупает затраты на содержание и ремонт донельзя изношенного корабля. Да и к тому же «добыча», как правило, прекрасно осведомлена об опасности и вооружена не намного хуже, чем «охотник», и огрызается изо всех сил. Поэтому он на некоторое время исчез, а когда появился вновь — выяснилось, что Агламба Керрор решил пойти ва-банк. И, как ему показалось, вытянул козырную карту!

Он сколотил эскадру из нескольких кораблей и начал совершать налеты на крупные круизные суда. Конечно, перехватить круизный лайнер не так-то просто, у этих дур слишком хорошие движки. Поэтому на пиратских судах, которые представляли собой по большей части переоборудованные транспорты или малотоннажные пассажирские суда, угнаться за ними было совершенно невозможно. И оттого «круизники» считались совершенно безопасными в отношении пиратства. Но Керрор все хорошо продумал. Во-первых, когда он вышел на охоту, у него в эскадре уже было пять судов, так что он мог перекрывать всю лобовую полусферу по курсу движения корабля. Во-вторых, два из них имели движки немногим хуже, чем у «круизников», — от портовых буксиров, так что и возможностей для маневра у добычи оставалось немного. Кроме того, как только Агламба захватил первый лайнер, он запустил схему, позволявшую, как казалось Керрору, полностью обезопасить его «маленький» бизнес. Схема состояла в том, что, захватив и ограбив первый лайнер, Керрор отобрал пару сотен наиболее значительных пассажиров и увез их в неизвестном направлении. Суммарный выкуп, затребованный им за этих людей, составил почти восемьдесят миллионов соверенов. Однако, даже получив выкуп, Агламба не отпустил заложников, а сначала захватил следующий лайнер и, лишь набрав заложников с него, отпустил часть предыдущих...

Спустя год Агламба Керрор оказался на первых полосах всех сетевых агентств. Некоторые считали его порождением ада, некоторые — бичом божьим, посланным напомнить богатым и знаменитым, что их жизнь на весах господ — всего лишь мимолетный прах. Пифия Маглоб, секс-символ компании «Уорнер Бразерс» и самая скандальная звезда современности, публично объявила, что если он прекратит пиратствовать и отпустит заложников — она готова провести с ним «безумную ночь любви». Самые маститые журналисты искали его внимания и были готовы на любые жертвы, лишь бы заполучить его в свои программы. Он казался мессией, титаном духа, гением преступного

мира, человеком, посрамившим силовые структуры самых могучих государств...

Механизм казался безупречным. Керрор заботливо сохранял свой пул заложников, задерживая некоторых из них на два, а то и на три последующих захвата, тщательно следя, чтобы в составе заложников в равной мере присутствовали государственные мужи, денежные мешки и личности, крайне популярные у публики, а его эскадра продолжала грабить «круизники».

И все было бы у него нормально, если бы он вовремя остановился. Да, заложники давали ему некую страховку, но всякая страховка эффективна до поры до времени. Ну сколько народу летит в круизном лайнере — человек семьсот, ну пусть тысяча, а людей, которые МОГУТ себе это позволить или хотя бы ЗАДУМЫВАЮТСЯ об этом, — сотни тысяч. И все они хотят безопасности. Поэтому, уже после третьего захвата правительство Содружества американской конституции было вынуждено отправить корабли на поиски базы Агламбы Керрора. И хотя сначала кораблям было приказано искать не особо шибко (опасаясь за жизнь уже захваченных «особо важных персон», которых еще надеялись освободить без излишнего шума и потерь), после четвертого захвата ситуация изменилась в корне. И тут Агламба решил показать, кто в доме хозяин. После того как патрульная эскадра перехватила и взяла на бордаж два корабля из его эскадры, Керрор захватил очередной «круизник» и устроил показательную бойню.

На его несчастье, треть пассажиров этого лайнера оказались подданными русского императора. Наверное, Керрор и сам перепугался, когда старший абордажной группы приволок ему паспорта зарезанных и расстрелянных пассажиров, однако дело было сделано. Колесо фортуны повернулось к Керрору другой стороной. Ровно через два дня после той бойни русский император объявил его «лицом, оскорбившим Императора», и перед Агламбой тут же закрылись все двери. Банки, в которых были открыты его секретные счета, на которых после всех путешествий по транзитным счетам, дебетовым картам и кофрам с наличностью оседали денежки от продажи награбленного и деньги за заложников, тут же обнародовали их номера. Скупщики краденого принялись отбрыкиваться от имущества, предложенного Керрором, как черти от ладана. Самые верные его агенты публично объявляли о том, что они по тем или иным причинам ранее сотрудничали с Агламбой, но теперь «глубоко раскаиваются в содеянном и отдают себя в руки правосудия». Два оставшихся корабля его эскадры самостоятельно прибыли на Нью-Вашингтон и, заглушив двигатели на парковочной орбите, объявили, что готовы принять представителей властей «для обсуждения вопросов, связанных с осуществлением правосудия».

Что ж, это было вполне объяснимо. Надо было быть полным идиотом, чтобы поссориться с русским Императором. Русские могли бы считаться во всех отношениях цивилизованным народом, если бы не их совершенно славянское отношение к возмездию. Если кто-то или что-то вызвало их неудовольствие настолько, что они решали, будто сие деяние можно расценить как «оскорбление Императора», то все законы забывались напрочь, все международные договоры отправлялись побоку, все возможные экономические и иные потери отшвыривались в сторону как бесполезный хлам, и озверевший русский медведь выходил на БОЛЬШУЮ ОХОТУ. И не дай боже попасться ему под горячую лапу!

Мир затаил дыхание, ожидая скорой кровавой развязки. Прежний кумир ничтоже сумняшеся был превращен в «блюдо» для нового развлечения. Все жаждали зрелища!

Однако на этот раз охота не принесла никаких результатов. Агламба Керрор исчез. Авианосные эскадры бороздили космос, стаи эсминцев засовывали чуткие носы радаров в самые глубокие дыры, но пирата нигде не было. Он будто провалился в черную дыру. И мало-помалу накал поисков ослаб. Эскадры вернулись к местам базирования, эсминцы и крейсера оттянулись поближе к своим базам. Разочарованная публика, сначала приникшая к экранам в ожидании скорых новостей, начала переключать каналы на другие шоу.

Но все понимали, что русский медведь так ничего и не забыл. И стоит, пусть не сейчас, пусть спустя десять, двадцать, сто лет, когда-нибудь, Агламбе Керрору вновь появиться на горизонте, шерсть на загривке этого, маскирующегося под цивилизованного, зверя, мгновенно встанет дыбом, и он вцепится в горло своему врагу со всей своей первобытной свирепостью.

Глава 1

Сделав очередной шаг, он неожиданно перестал ощущать твердь под ногами и ухнул в густую жижу, которая на Промашке кое-где заменяла нормальную почву. Хотя ему не впервой было встречать опасность лицом к лицу, инстинкт самосохранения заставил закрыть глаза, уж больно неприятно было наблюдать, как за прозрачным забралом шлема поднимается уровень болота. Его моментально засосало почти по самую шею, и быть бы ему очередным «сухим утопленником» этого мира-ловушки, да только в самую последнюю секунду перед тем, как провалиться в болото, он рефлекторно вцепился ребристой поверхностью перчатки в свисающую с вершины плакучего ротанга одиночную

плеть. Под весом человека плеть растянулась почти до предела, но тем не менее продолжала каким-то чудом удерживать голову Дика на поверхности. Но, увы, простора для маневра у него не было. Он с трудом выпростал из грязи свободную руку и набросил на ветвь петлю портативного коммуникатора. Вообще-то этот прибор предназначался совсем для иных целей, но в сложившейся ситуации из него могла получиться вполне сносная лебедка. И все наверняка прошло бы гладко, стоило включить на сматывание катушку, но в этот момент он ощутил легкое прикосновение к плечу. словно нежные женские губы пробежались по обнаженной коже. Хотя какая обнаженная кожа может быть в скафандре высшей биологической защиты? Дика охватила паника — все на Промашке знали о «поцелуе смерти», который дарило своим жертвам только одно-единственное живое существо в разведанной части Галактики, а именно паучья змея, водившаяся в юго-восточных трясинах этой «гостеприимной» планеты. Надо же было случиться этому редкому событию наяву: смертельно опасная гадина вздумала подняться на поверхность рядом с барахтающимся человеком... Так или иначе, но осталось каких-нибудь пять-шесть секунд до того момента, когда тело скрючит от судорог, из саднящего рта повалит кровавая пена, а перед глазами, если не врет преподобный Мак-Гиверн, возникнет ангел, чтобы сопроводить к райским вратам...

— Эй, дорогой! — услышал Дик словно сквозь вату.

Он отмахнулся от наваждения — паучьи змеи не умеют разговаривать, но голос продолжал настаивать:

— Ну давай же, открывай глазки!

Шесть секунд прошло, но судороги все еще не наступали. Это было неправильно и, значит, с этим следовало разобраться. Дик напрягся и попытался открыть вроде как уже открытые глаза... Никакого забрала на голове не обнаружилось, равно как и тесных объятий скафандра. Не наблюдалось и мерзкой трясины, так же как грязно-серых пейзажей, подернутых мелкой сеткой непрекращающихся ни на секунду дождей малопривлекательной планеты Промашки. Не было свисающей с неимоверной высоты плакучего ротанга плети. А также смертоносной паучьей змеи. Не было ничего из того кошмара с планеты Промашка, который приснился Ричарду Сандерсу... вокруг царил лишь мягкий полумрак шикарной спальни двухкомнатного съюта одного из самых дорогих отелей «Майти Новус» на совсем другой планете — Ривьере-4, славящейся своими уютными песчаными пляжами, солнечной погодой и лучшим гостиничным сервисом среди всех миров американского сектора влияния.

Слева раздался манящий шелест, и Сандерс повернулся на другой бок. В непосредственной близости от огромного «сексодрома», на

котором Сандерс и «вынырнул» из коварной западни Промашки, роскошная платиновая блондинка натягивала чулки на стройные ножки. Больше на ней ничего не было.

— Ну наконец-то, — торжествуя произнесла она, заметив пробуждение партнера. — Проснулся-таки!

Дик расслабился. Вот, дьявол, это был просто ночной кошмар... Он еще раз с искренним удовольствием окинул взглядом одевающую женщину. Как же ее зовут? Амалия, Глэдис, Сэнди? Дик принялся лениво перебирать женские имена в алфавитном порядке, пытаясь определить, какое из них подходит блондинке, но так и не смог сделать правильный выбор. Голова после вчерашнего гудела как пивной котел — не стоило так злоупотреблять крепкими коктейлями вперемешку со «стар-хайникеном». Но, хвала звездам, глобус сильно напрягать не пришлось — красotka сама пришла ему на помощь.

— Неужто, мой сладкий, ты не хочешь поцеловать свою Веру на прощание?

— Ну-у-у, — промычал Дик, окидывая соседку по постели уже более внимательным взглядом. Черт, он вчера так набрался, что никак не мог вспомнить, где и как он ее подцепил. Но, как говорится, мастерство не пропьешь, похоже ему удалось подцепить самую шикарную женщину вчерашнего вечера (в этом отеле контингент менялся постоянно и, появившись на следующий день, можно было не обнаружить вчерашнюю подружку, зато глазам представала дюжина новых кандидаток). Так что здесь все было в порядке. Вот только подробности явно бурной ночи он припомнить не смог. А значит, следовало тут же освежить впечатления...

— Да, я... очень даже хочу поцеловать свою Веру... и знаешь, не только поцеловать!

Он скользнул в ее сторону, схватил красотку за гибкую талию и резко потянул на себя. Вера с удовольствием взвизгнула, отчаянно взбрыкнула смуглыми ножками и, хохоча, очутилась на ложе — она понимала правила игры. Потом наступил черед сладостных минут, до предела заполненных возней, придыханиями и приглушенными стонами, которые завершились к обоюдному удовольствию пароксизмом блаженства...

Чуть позже, жадно вдыхая ароматную смесь нововенерианской травки пополам с синтетической нирван-пыльцой, Дик поинтересовался, поглядывая в потолок, под которым плавающие клубы разноцветного дыма складывались в объемные композиции:

— Слушай, куколка, а что означает твое «на прощание»? Разве мы уже надоели друг другу?

Девушка недоуменно посмотрела на него: